

Мозаика воспоминаний про 1968 год. Часть 1.

В ЛССО «Каникула» попал я абсолютно случайно. Проходили мы с приятелем Витей Ивановым мимо Красного уголка (так ранее называлось помещение для активных студентов) и увидели, что проходит запись в студенческий отряд. Само название отряда «Каникула» - появилось уже позже, когда отряд был сформирован. Ну и мы решили записаться. На вопрос: «Что вы можете и какими талантами обладаете?» мы абсолютно искренне сказали, что ничего. «Ну что ж и медведя в цирке плясать учат и эти ... запляшут» - вот фраза, которая и позволила нам оказаться в этой компании. И действительно, плясать нас научили не хуже медведей.

Пришло лето. Первым рейсом нас на самолете вывезли в Степановку. А вот в Максимкином Яру в это время пытались создать, что-то вроде подсобного хозяйства для леспромхоза и было запланировано построить коровник. Вот нашу бригаду туда и направили.

Бригада наша состояла их 6 человек. Трое ребят были постарше.

Бригадиром у нас был Василий Плотников, после окончания факультета он работал на кафедре АиТ и был там парторгом.

Юрий Шумаков - очень крепкий парень, учился на курс раньше - он же "Человек-гора". Ваня Черемпей - тоже был нас постарше, откуда он был - но не с нашего факультета - в тот год в отряде были и студенты из других вузов города Томска.

Трое ребят в нашей бригаде были после первого курса.

Петя Семенов - потом стал секретарем комсомольского бюро нашего факультета. Мой приятель Витя Иванов - в тот год мы стали называть его "Чуток", это имя закрепилось за ним именно в Максимкином Яру. Когда выставляли столбы он «стрелял» и поправлял: "Чуток туда, чуток сюда» так для своих "Чуток" и остался, но посторонним так себя называть не позволял. Ну и шестой соответственно это я - автор этих строк.

Что представлял из себя в то время Максимкин Яр - это небольшая деревенька из нескольких домов. Электричества не было. Но в этой деревеньке стоял неплохо сохранившийся дом с мемориальной доской «Здесь жил в ссылке Яков Михайлович Свердлов». Мужчин практически не было - все трудоспособное население работало в леспромхозе, а в деревеньке остались одни женщины преклонного возраста или женщины оставшиеся здесь из-за детей.

В Максимкином Яру был создан пионерский лагерь. Как всегда, детей уже собрали, а ни кухни, ни повара. Быстрехонько соорудили навес, организовали летнюю столовую, и наш бригадир Василий Плотников соорудил печь, на которой и готовили еду школьникам. А пока поваров не было, из основного отряда прислали Валентину Карамшук, которая целую неделю готовила в детском лагере. Пока Валя кормила детей мы тоже питались там же.

Но потом, когда Валентина уехала, нам готовила местная жительница уже у нас. Повариха была молоденькая девушка. О том, что надо первое и второе готовить, ей сообщили. И вот в первый день: на первое суп с макаронами, второе на гарнир макароны. Нормально?!

Постепенно с Василием они согласовывали меню. Правда, разнообразием оно отличаться не могло. Что с собой привезли, то и было - баржи с продуктами пришли значительно позже. А так мы, как итальянцы, все макароны да макароны. Очень хотелось побаловать себя чем-то вкусненьким.

Главным нашим объектом в Максимкином Яру был коровник. Работали без выходных и, как в песне пелось, от зари до темна. Но через две-три недели работы стало очевидно, что выдержать такой режим без отдыха нам очень сложно и Василий дал добро на один выходной.

Поговорили с местными жителями и выяснили, что неподалеку есть 3 озера. «Медвежье» - медвежий рев там по вечерам не редкость. Медведи туда на водопой ходили. Еще «Медное» - по рассказам местных, дно желтое, но не песок. И ближе всего к нам, километров в 3 от села - «Гнилое озеро». Вот туда мы и направились на отдых.

Мимо нас проходили две бабульки с берестяными коробами за плечами. На наш вопрос: «Куда вы направились?». Ответили, что в лес, т. к. в деревне душно. Это им мешали печи, что топились на улице. Уходили они на 1-2 недели в тайгу. Когда вернутся и когда снова уйдут они, похоже, и сами не знали. В берестовых коробах у них лежали одеяла и спички и все - больше ничего не было. Как они выразились: «Тайга прокормит». По рассказам соседей, дочке лет 80, наверно, будет. А с кем пошла? Так с мамой!

А еще на берегу реки жил старичок из местных, похоже, остяк. Национальность мы не уточняли, но по-русски говорил не очень хорошо. К нему в гости мы и отправились с надеждой разжиться рыбкой и на берегу сварить уху. Поздоровались, сели, разговорились. Рыбы у него не было, да и как она могла быть, если ни холодильников, ни других средств для хранения скоропортящихся продуктов не было. Да позже стало понятно, что в этом нет необходимости. На наш вопрос о рыбе прозвучало: «Лодка на берегу, в ней сеть, весла под навесом. Сколько надо - возьмите, остальное - отпустите обратно (это уже о рыбе)». Мы развернули небольшую сетешку и вернулись продолжить разговор. Неподалеку стояли нарты. На них мы и присели. Нарты были как беговые - легкие, узкие, так и широкие, предназначенные для перевозки грузов. Естественно, возник вопрос, для чего он их хранит, собак ведь нет. Остяк недоуменно посмотрел на нас и указал на пса, крутившегося неподалеку. Конечно, пес был крупный, ну и что? Остяк показывал на собаку и не понимал, что нас смущает, а мы не могли понять, как может одна собака решить проблему передвижения зимой на нартах. После наводящих вопросов и перевода с помощью жестов мы, в конце концов, поняли ответ на свой вопрос. Это с ним жил вожак. Он жил с ним всегда. А других собак он переставал кормить, когда стаивал снег, собаки, уходили самостоятельно добывать себе пищу. Осенью, когда

снег накрывал землю, собаки возвращались к кормильцу, а вожак наводил в стае порядок. Возвращались, естественно, не все, но некоторые с приплодом. Это нам показалось удивительно.

После этого разговора мы проверили сеть и отправились на озеро. Местные жители указали куда идти, в том направлении мы и пошли. Еще не доходя до озера, мы почувствовали достаточно приличный запах сероводорода. «Гнилое» озеро, по-видимому, имело характерные источники. Но концентрация запахов в воздухе была недостаточна, чтобы оказать на нас негативное воздействие, а вот вода в озере была очень теплой и, в костюмах Адама, мы с удовольствием искупались и поплавали.

В головном отряде в Степановке мы бывали наездами, как дорогие гости. Народ, правда, весь знали, отряд-то ведь был небольшой.

Первый раз мы были приглашены на официальное открытие начала трудового семестра - первый праздничный день. День прошел, как и каждый праздник, очень быстро и мы снова вернулись на место постоянной дислокации.

Следующие наши поездки в отряд были служебными командировками. У нас было два инструмента - топор и бензопила «Дружба-4». Осваивать этот инструмент мне пришлось «с нуля». Как и всякий городской житель, я, конечно, видел топор и раньше, но близко встречаться с ним не приходилось. «Дружбу» же я увидел вживую впервые. С ней мы подружились очень быстро. И цепь «поперечку» и «универсалку» - что куда освоили сразу. С топором же пришлось изрядно попотеть. На руках откуда-то взялись кровавые мозоли, топор прорубил сапог, чуть царапнув большой палец. Попасть «по черте» тоже оказалось не столь простым делом. Постепенно все наладилось. Когда бревна крепились шкантами, то «Дружба» использовалась не только как пила, но и с редуктором как дрель. Когда сверло проходит верхнее бревно, но еще не достигает нижнего, из-за вырубленного паза обороты резко увеличиваются и, встретившись с нижним бревном резко падают, в этот момент можно было видеть чудеса эквилибристики, а иногда и красивейшие полеты с верхних венцов. В одну сторону летел студент, а в другую «Дружба-4» и, если маленький простенок, то возможно и с вращающимся на сверле бревешком. Зрелище - необычайное. Наверное, это особенно бы «понравилось» специалисту по технике безопасности. Такая эксплуатация техники иногда приводила к заклиниванию движка. Вот и отправлялся кто-то из нас в Степановку на замену «Дружбы» и поточить запасные цепи.

С утра «Дружбу» на плечо и на берег. В регионе хорошо знали наши красные рубашки и любая моторка, движущаяся по реке, переправляла на противоположный берег походчика. А там - в отряд, леспромхоз, замена и обратно, но иногда приходилась в отряде и заночевать.

Что еще было забавного в нашей жизни?

В отряде было много девушек, так как отряд формировался из факультетской самодеятельности. Днем девушки были заняты на штукатурных работах, а вечером, да еще после танцев, как не погулять с парнями.

Наш командир Веня Пригородов был уже бывалым целинником и, заботясь о здоровье молодых организмов, да и чтобы днем на объектах бойцы не ползали как сонные мухи, он приказал закрывать на ночь входные двери в общежитии. Конечно же, это никого не остановило, все-таки молодые организмы, да и делалось, как все понимали, это шутливо. Но парочки после ночных прогулок стали возвращаться через кухонное окно, благо кухня была на 1-ом этаже. Ну, конечно, в отряде нашлись, и свои шутники - вдоль окошечка кто-то догадался прикреплять перед окном связку из кружек на тоненькой ниточке. При открытии окна нитка обрывалась, «бусы» рассыпались и на шум, падающих на пол металлических кружек, стекался повеселиться народ. Их взору представало незабываемое зрелище - смущенные лица загулявших. Короче - было над кем пошутить.

Вот, про паутов, которые прокусывали рукавицы, сначала писать ничего не хотел. Однако вспомнил про детишек из лагеря - они бегали днем в одних трусиках. Помню, спросили мы одного парнишку: "Как это можно, ведь столько паутов - житья от них нет. "Они нас не кусают", - сильный ответ!!! Присмотрелся, а он весь в шишках от паутинных укусов. Но настолько видимо это обыденно для него, что и внимания обращать на это не стоит.

Стройка двигалась к концу, но крыть крышу было нечем, а посему всю нашу бригаду на пару дней вывезли в Степановку. Вот тут мы оценили всю "прелесть" работы Павки Корчагина на строительстве узкоколейки.

В один из этих вечеров, когда мы работали на узкоколейке, в клубе были организованы танцы, которые проводились там чуть ли не ежедневно. Просто мы попали туда впервые. В клубе, все наши, много местных жителей - село большое. Ансамбль «Каникула» весело обеспечивал музыкальное сопровождение.

Но вот заканчивать вечер никто не давал, блокировали выход, и приходилось вновь и вновь что-то играть. На одной из мелодий незаметно исчезал со своим саксофоном саксофонист, следом за ним исчезал и баянист. Громкость музыки не уменьшилась, даже когда исчезала труба. Ударная установка выносилась по частям. Ударник поддерживал ритм и звук на одном барабане, но танцующие продолжали отплясывать. Последний штрих и кто-то улетел через дверь с барабаном, перед глазами изумленной толпы остался один ударник, спокойно убирающий палочки в карман. Все. Танцы закончились. Как говорили ребята, этот трюк проделывали не один раз, но настолько четко и слаженно это получалось, что было всегда неожиданно.

Через несколько дней нас вернули вместе с шифером в Максимкин Яр. На барже шифер переправили на наш берег, и осталось с берега перевести его к объекту. В деревне, к тому времени, мы уж знали, кто правит балом и пошли к ней с просьбой дать телегу для перевозки груза. На ее вопрос: «А сами справитесь?». Виктор Иванов ответил, что на телеге ездил и как за вожжи дергать знает. Хозяйка указала, где находятся лошади, и сказала, что если не справимся, то через дом от конюшни живет конюх. Я близко с лошадьми не общался, но Виктор смело направился на конюшню, я за ним. В конюшне было 2 лошади, которые, не обращая на нас внимания, спокойно жевали сено. Вся нужная сбруя висела неподалеку на стенке конюшни. Виктор что-то взял в руки и начал приближаться к лошади. Она также равнодушно чуть-чуть развернулась так, что он оказался сзади нее. Этот танец продолжался достаточно долго, пока Виктор не сдался, и мы отправились за конюхом. Через дом три пацана лет десяти пинали резиновый мяч. На наш вопрос о конюхе один спросил, а что нам надо. Сославшись на то, что нам разрешили взять лошадь, мы объяснили, что нам ее надо запрячь. И этот пацан отправился с нами. Лошадь покорно подставила ему свою голову, для чего парнишке пришлось хорошо наклонить ее. Быстро и ловко управившись с работой, он убедился, что дальше Виктор справится сам, и побежал доигрывать. А мы отправились за шифером. Нагрузили телегу, и пошли следом. Пока дорога была ровной, все было хорошо, но надо было подниматься на гору, и тут мы поняли, что лошадиная сила имеет конечное значение. Сначала мы попытались затолкать на гору телегу вместе с лошадью, но потом все-таки пришлось значительно уменьшить груз. Следующие рейсы с учетом опыта прошли уже без осложнений.

Коровник был построен, и тут нам заявили, что объект не будет принят, если рядом нет туалета (это коровник-то). Быстро выкопали яму, сколотили щиты, соорудили крышу. Но и тут возникла проблема - дверь вешать не на что, нет петель. Вот тогда-то и пригодились подметки с моих уже дырявых сапог. Отрубили подметки, повесили двери. Уже после окончания всех работ, залезли на конек коровника и сфотографировались на память, так там я на крыше, как раз уже без сапог.

Заканчивали мы свою стройку уже в последний день, когда часть бойцов из других бригад, которые свои объекты закончили, начала улетать из Степановки.

Вот так и пролетел мой первый трудовой семестр.

Борис Москвитин.

Боец ЛССО "Каникула" в 1968 и 1969 годах, боец ЛССО "Автоматчик" в 1971 году.

Подготовлено к печати 2015.03.04